

Рис. 19. Распространения в Восточной Европе (кроме Крыма) фибул, украшенных лучами на головной пластине и/или ромбами на ножке.

Условные знаки как на рис. 18; дополнительные: а-ж – украшенная ромбами: а – без боковых выступов, б – с боковыми выступами, в – тип Морешть и близкие ему, г-е – с орнаментацией головной пластины спиралью или окружностями (контексты: г – дунайский, д – понтийский, е – не ясен), ж – трехпалые особой вариации; з-к – головная пластина, украшенная лучами: з – трехпалые, и – пятипалые, к – серии Перехваль типа Мошенка; л – локализация с точностью до района.
 1 – Волынская обл. (на р. Черногуска, в 30 км от Луцка), 2 – Волынская обл. (недалеко от Луцка), 3 – Ивано-Франковская обл., 4 – Вербычна, 5 – Широкая Гребля, 6 – Винницкая обл., 7 – Киевская обл., юг, 8 – Среднее Поднепровье (в пределах Васильковского, Каневского, Таращанского уездов), 9 – Канев или окрестности, 10 – Мартыновка, 11 – Деренковец, 12 – Черкасская обл. (правобережье Днепра), 13 – Пастырское, 14 – Бужин, 15 – Запорожская обл. (близ Днепра), 16 – Игрень, 17 – Черниговская обл., 18 – Брянская обл., 19 – Усох, 20 – Межричье, 21 – Глиница, 22 – Суджанский р-н, 23 – Курская обл., 24 – Курск, 25 – Порозок, 26 – Белгородская обл., 27 – Перехваль, 28 – Ксизово, 29 – Стаево, 30 – Спас-Перекша, 31 – Ольвия.

Э. А. ХАЙРЕДИНОВА

Институт археологии Крыма Российской академии наук (Симферополь, Россия)

ГЕРАЛЬДИЧЕСКИЙ ПОЯСНОЙ НАБОР С ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКОЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ VI В. ИЗ МОГИЛЬНИКА У С. ЛУЧИСТОЕ

Аннотация: Во второй половине VI в. в Юго-Западном Крыму распространились детали воинских наборных поясов, именуемые в специальной литературе геральдическими. В статье публикуется поясной набор второй половины VI в., найденный в склепе 212 на могильнике у с. Лучистое, обосновывается датировка, выявляется круг аналогий, на основании иконографических данных и расположения предметов в погребении предлагаются варианты реконструкции. Бляшки из набора украшены изображениями креста и стилизованной виноградной лозы. На обратной стороне пряжки прорезаны кресты. Христианская символика, а также аналогии, выявленные в Херсоне, Сирии и Подунавье, позволяют отнести набор к византийской продукции.

Ключевые слова: Византия, Юго-Западный Крым, крымские готы, геральдические поясные наборы, христианская символика.

Во второй половине VI в. в Юго-Западном Крыму распространились детали воинских наборных поясов, именуемые в специальной литературе геральдическими по наличию элемента в форме гербового щитка. По мнению А. К. Амброза, геральдический стиль возник в византийских провинциях Нижнего Подунавья как смешение византийских и варварских вкусов в среде местных военных поселений [9, с. 118; 10, с. 201; 11, с. 49]. Многочисленные находки различных деталей геральдических поясных наборов и каменных литейных форм подтверждают существование в Нижнем Подунавье центра по их изготовлению и распространению [36, fig. 2,3]. Вместе с тем, происходящая из Каппадокии литейная форма для производства геральдических бляшек и наконечников ремней [27, р. 629, fig. 1], а также находки на территории Малой Азии и Сирии геральдических деталей поясной гарнитуры второй половины VI в. [41, Kat. 71; 42, Abb. 112] позволяют говорить об одновременном распространении стиля во многих областях империи.

В своих исследованиях по хронологии раннесредневековых древностей Крыма Александр Ильич Айбабин неоднократно обращался к этой теме. Им выделено пять типов геральдических поясных наборов, бытовавших в Юго-Западном Крыму, отличающихся техникой изготовления и декором; классифицированы отдельные детали гарнитуров – бляшки, наконечники основных и вспомогательных ремней, обоснована их хронология; на основании расположения предметов *in situ* в погребениях сделаны наблюдения об их размещении на ремне [2, с. 52–57, рис. 43; 48–52; 3, с. 111, 148–149, рис. 44, 59, табл. XXXI; 4, с. 41, табл. 20]. В последнее время, в первую очередь, благодаря раскопкам на могильниках у с. Лучистое и Алония, источниковая база для изучения геральдических поясов увеличилась. Среди новых находок особый интерес вызывает поясной набор с христианской символикой, происходящий из могильника у с. Лучистое (рис. 1–3), публикации которого посвящена данная работа. В статье дана характеристика отдельным деталям гарнитура, обосновывается датировка, выявляется круг аналогий, на основании иконографических данных и расположения предметов в погребении предлагаются варианты реконструкции пояса.

Археологический контекст находки

В 2002 г. на северо-западном раннем участке могильника у с. Лучистое на глубине 0,4–1,1 м от современной дневной поверхности раскопан склеп 212 (рис. 1). Т-образный в плане склеп ориентирован камерой на юго-восток. Камера в плане почти квадратная, с закругленными углами. На ее полу зачищены остатки погребений четырех взрослых (1–4) и одного ребенка (5) (рис. 1,1). Взрослых 1–3 похоронили вытянуто на спине, головой на северо-запад, с вытянутыми вдоль туловища руками и уложенными на бедрах кистями. Вдоль северо-восточной стенки камеры склепа на полу лежали перемещенные кости из более ранних захоронений взрослого (4) и ребенка (5) (рис. 1,2). В погребении 4, среди перевернутых и раздавленных тазовых костей (рис. 1,2а) лежали серебряная пряжка, наконечник основного ремня из белого металла, бронзовая геральдическая бляшка, железные пластинчатое кресало прямоугольной формы (размеры 2,2х6,3 см) и два фрагмента однолезвийного ножа с прямой спинкой (длина 4,9 и 8,5 см); около тазобедренного сустава левой ноги – кремень (размеры 1,5х2,4 см), бронзовые геральдическая бляшка и пряжка с овальной рамкой и треугольным в сечении язычком, с двумя рельефными валиками на тыльной стороне (длина пряжки 2,9 см; ширина – 3,3 см); около левого коленного сустава – бронзовые детали поясного набора: три геральдических и две двурогие бляшки, а также два наконечника вспомогательных ремней (рис. 1,2б); среди больших берцовых костей – железный черешковый однолезвийный нож с прямой спинкой.

В погребении 1 в области пояса зачищена орлиноголовая пряжка южнобережного типа 2-го варианта (рис. 1,1А), датирующаяся концом VI – первой четвертью VII вв. [2, с. 33; 6, рис. 12,II]. Остатки погребений 4 и 5 сдвинули к стенке камеры

для того, чтобы расчистить место для новых захоронений 1–3. Учитывая датировку орлиноголовой пряжки 2-го варианта из погребения 2, более раннее перемещенное захоронение 4 с интересующим нас поясным набором следует отнести ко второй половине VI в.

Характеристика деталей поясного набора

В состав поясного набора входят: серебряная пряжка, наконечник основного ремня из белого металла и бронзовые детали: пять геральдических бляшек, две двурогие двухсоставные бляшки, два наконечника вспомогательных ремней (рис. 2–3). До реставрации на поверхности бронзовых предметов прослеживался тонкий слой белого металла, являвшийся, скорее всего, остатками лужения.

Серебряная пряжка состоит из трапециевидной рамки с граненой лицевой стороной и вогнутой нижней частью, подвижных язычка и двух зажимов для ремня (рис. 2,10; 3,3). Общая длина пряжки 4,1 см, вес 19,97 г, все детали отлиты из серебра 800° пробы¹. Размеры рамки: длина 2,4 см и ширина 3,7 см. Она украшена тремя продольными параллельными врезными линиями на боковых сторонах. В тыльной части рамки сделана круглая в сечении перекладина, на которой крепятся язычок и два зажима для ремня. Сегментовидный в сечении язычок отлит с прямоугольной площадкой на тыльной стороне. Его длина 2,8 см. Зажимы для ремня длиной 2,5 см сделаны из согнутой пополам пластины с узкой петлей (длина 1,2 см), фиксировавшейся на пряжке, и круглым щитком (диаметр 1,3 см), внутрь которого вставлялся ремень и зажимался гвоздиком с небольшой выпуклой круглой шляпкой (рис. 4,5). Верхняя пластина щитка украшена небольшими поперечными насечками, нанесенными по краю (рис. 3,3а). На обратной стороне нижней пластины каждого зажима прорезано по кресту (рис. 3,3б).

Близкая по форме и конструкции пряжка найдена в могильнике Алония близ Ялты, в склепе 2, в мужском погребении, рядом с которым находился женский костяк с большой орлиноголовой пряжкой 1-го варианта второй половины VI в. (рис. 5,16; 6,1) [6, рис. 12,1; 21, с. 137, рис. 10,1, 12]. Обе поясные застежки, из Лучистого и Алонии, следует рассматривать как один из вариантов пряжек с трапециевидной рамкой и зажимами для ремня, которые А. И. Айбабин выделил в тип II-2 так называемых малых пряжек византийского круга [2, с. 49, рис. 46,2,3]. В Юго-Западном Крыму они найдены: в Лучистом в склепах 10, 77 и 95 в погребениях конца VI – первой четверти VII вв. (рис. 5,19) [29, S. 91, Abb. 84; 38, p. 30, 32, fig. 3,12,17; 5,1; 6, рис. 17,20, табл. 49,1; 7, с. 38–39, рис. 10,14, табл. 192,2] и в Скалистом в склепе 449 с вещами второй половины VI – первой четверти VII вв. (рис. 5,20) [13, с. 114, рис. 82,13; 2, с. 49, рис. 46,3]. За пределами Крыма подобные поясные застежки извест-

¹ Проба и вес изделий определены в Южном управлении пробирного надзора государственной пробирной палаты Украины, г. Одесса. Сведения предоставлены Главным хранителем Центрального музея Тавриды Л. Н. Храпуновой, за что приношу ей глубокую благодарность.

ны в Абхазии, в могильнике у крепости Цибилеум в погребении воина конца VI – VII вв. [14, с. 158–159, рис. 22,5] и в Болгарии (рис. 5,17,18). Последние лишены точного археологического контекста и по аналогиям датированы второй половиной VI – первой половиной VII вв. [20, с. 52–53, 241–242, группа А, тип XV, кат. № 341, 342, табл. 41,341,342].

Перечисленные пряжки – пластинчатые, с четкими гранями на верхней части рамки, у многих на тыльной стороне сделаны углубления. Пряжки из Лучистого и Алонии – более массивные, грани на поверхности рамки едва заметны, а тыльная сторона украшена врезными линиями. Края круглых зажимов лучистинской пряжки украшены поперечными подтреугольными насечками (рис. 3,3а). Такой прием декора характерен для византийских пряжек, деталей поясных наборов и фибул VI в. из Северной Италии, Подунавья, Малой Азии и Крыма (рис. 5,19) [5, рис 1,1; 4,3–5; 8, рис. 118,9; 124,3-5; 140,16; 45, Taf. 11,2,3,11,16; 34, Pl. 6,62; 40, fig. 8,a,b].

Наконечник основного ремня из белого металла (оловянистой бронзы?) отлит в виде коробочки с прямыми боковыми и верхней сторонами, с закругленной нижней частью (рис. 2,11; 3,7). Высота наконечника 4,2 см, ширина 2,4 см, толщина 0,5 см. Верхняя часть лицевой стороны фрагментирована. На обеих сторонах наконечника при отливке сделаны декоративные круглые отверстия, образующие своим расположением геометрические фигуры. В центре размещен треугольник из крупных отверстий, соединенных между собой врезной линией, под ним – ромб из четырех небольших отверстий, в верхней части – два небольших треугольника вершинами вверх из мелких отверстий. В верхней части сделано круглое отверстие для заклепки, при помощи которой наконечник закреплялся на вставленном внутрь ремне (рис. 4,5). В момент обнаружения наконечника внутри еще находились остатки кожаного ремня.

Идентичный наконечник ремня найден вне археологического контекста в Болгарии в с. Драгоево Шуменской области. Л. А. Трайкова отнесла его к типу Па раннесредневековых наконечников и датировала второй половиной VI – началом VII вв. [20, с. 351, кат. № 1909, табл. 151,1909]. Наборы похожих литых наконечников от основного и вспомогательных ремней в виде коробочки с прорезным декором другой формы обнаружены в Садовско-Кале [45, Taf. 11,13–17], в Суук-Су в могиле 54 второй половины VI в. (рис. 6,3) [2, рис. 49,9–13] и в Абхазии в могильнике у крепости Цибилеум в воинском погребении конца VI – VII вв. [14, с. 158–159, рис. 22,6,9,10].

Геральдические поясные бляшки отлиты из бронзы с ажурным стилизованным растительным декором (рис. 2,1–5; 3,1,2). На обороте припаяны две поперечные пластинчатые стойки с круглыми отверстиями для крепления на ремне. По размеру и декору бляшки представлены двумя вариантам. На бляшке 1-го варианта (рис. 2,5; 3,2; 7,2) вырезана композиция с четырьмя круглыми отверстиями по углам воображаемого квадрата, внутри которого размещен латинский крест со стилизованным растительным орнаментом у основания. Высота 2,8 см, ширина 2,7 см. У четырех

бляшек 2-го варианта (рис. 2,1–4; 3,1) в центре размещена стилизованная крестовидная фигура, образованная виноградной лозой или плющом, а над ней прочерчен окруженный завитками латинский крест под двумя наклоненными друг к другу линиями. Центральная фигура прорезана, а некоторые ее детали – верхние завитки, часть контура листьев – нанесены резной линией. Высота бляшек 2,7–2,9 см, ширина – 2,6–2,8 см. На бляшках обоих вариантов декор выполнен при отливке, поэтому некоторые отверстия не имеют четких контуров или заполнены затеком металла (рис. 7,1,2).

Во второй половине VI – VII вв. бытовали литые геральдические бляшки с прорезным декором различного вида [2; 15, рис. 42,7,8,10,21,27,33]. При этом бляшки, орнаментированные наподобие публикуемым, немногочисленны. Единственная аналогия лучистинской бляшке 1-го варианта выявлена в Болгарии, в районе Шумена (рис. 5,4), датируется она, как и большинство происходящих из этого региона ажурных геральдических поясных деталей, второй половиной VI – началом VII вв. [20, с. 125–126, 317, табл. 120,1409]. Для бляшек с изображением стилизованной крестовидной фигуры 2-го варианта можно назвать лишь несколько аналогий, выявленных в Херсоне, Болгарии и Сирии. В Херсоне фрагментированная бляшка (рис. 5,1) обнаружена в квартале X-Б под помещением 3 в заполнении рыбозасолочной цистерны, использовавшейся в ранневизантийское время и засыпанной в VII в. [17, с. 70–82, 137, рис. 32,16]. В Болгарии две бляшки найдены в районе Варны (рис. 5,2,3). Л. А. Трайкова выделила их в группу В, тип I накладок с ажурным декором и датировала второй половиной VI – началом VII вв. [20, с. 125–126, Табл. 120,1407,1408]. Происходящая из Сирии бляшка входит в состав поясного гарнитура (рис. 5,21,22), хранящегося в Амстердаме в коллекции музея Алларда Пирсона. Археологический контекст сирийских предметов не известен, исследователями они датируются второй половиной VI в. [40, fig. 7; 42, Abb. 112].

Двурогие двухчастные поясные бляшки отлиты из бронзы, на их обратной стороне в верхней части и по центру припаяны две поперечные пластинчатые стойки с круглыми отверстиями для крепления на ремне (рис. 2,8,9; 3,4). Высота 3,7 см, ширина 1,8 см. Верхняя часть бляшек, с вогнутыми боковыми сторонами, украшена шестью расположенными в два ряда круглыми отверстиями, между которыми прорезан равноконечный крест; нижняя, геральдической формы – стилизованным изображением личины, переданным двумя круглыми и одним овальным отверстиями. Обе части разделены двумя поперечными бороздками. На одной из бляшек (рис. 3,4) элементы декора почти полностью заполнены затеком металла. Идентичные бляшки найдены в Болгарии в с. Драгоево Шуменского района при случайных обстоятельствах [20, с. 136, 333, Группа В, тип XVIII, табл. 134,1642–1644].

Бронзовые наконечники вспомогательных ремней отлиты с прямыми верхней и боковыми сторонами, с заостренной нижней частью. На их обратной стороне припаяны две поперечные пластинчатые стойки с круглыми отверстиями для крепления на ремне (рис. 2,6,7; 3,5,6). Высота наконечников 3,0 см, ширина 1,8 см. На-

конечники украшены фигурными отверстиями, образующими стилизованное изображение личины. Вдоль верхнего края прочерчены две параллельные поперечные линии. Аналогичные наконечники ремней найдены на территории Болгарии (рис. 5,12–15), где они датируются второй половиной VI – началом VII вв. [20, с. 137–138, Группа В, тип XXI, табл. 137,1721,1722,1725,1728].

Учитывая аналогии и стратиграфию захоронений в склепе 212, описанный поясной набор следует датировать второй половиной VI в. Детали поясного гарнитура отличаются декором, не характерным для крымских находок. Большинство аналогично орнаментированных предметов происходит из Северной Болгарии, с территорий византийских провинций Нижнего Дуная, где во второй половине VI в. находился один из центров распространения геральдического стиля. Здесь же найдены и другие по форме одновременные детали геральдических поясных наборов, на которых в разных сочетаниях повторяются элементы декора, присутствующие на лучистинских изделиях – прорезной крест с круглыми отверстиями между ветвей и стилизованная виноградная лоза (рис. 5,5,6,11) [20, табл. 120,1410,1411; 138,1410,1411]. Скорее всего, детали лучистинского поясного набора были привезены из Нижнего Подунавья. В Юго-Западный Крым они могли поступать через Херсон, с которым у жителей региона были налажены торговые связи. Подобные предметы по привозным образцам могли изготавливать и в самом Херсоне, бывшем в эпоху раннего средневековья одним из крупнейших ремесленных центров [3, с. 130, 168]. На территории городища найдено несколько матриц для изготовления деталей поясного гарнитура, относящихся к VII в. [1].

Следует обратить внимание на сирийский поясной гарнитур, хранящийся в Амстердаме в музее Аларда Пирсона [39, fig. 3,9–10]. Он состоит из геральдической бляшки и пряжки, отлитой целиком с трапециевидной рамкой и геральдическим щитком. В центре бляшки и щитка пряжки прорезан одинаковый узор – виноградная лоза с симметрично расположенными по бокам гроздьями (рис. 5,21,22). Виноградная лоза передана реалистично и детально: изгибающийся стебель со свисающими гроздьями, над которыми прорезаны спирально закрученные усики (рис. 7,4). На происходящих из Болгарии и Крыма деталях поясных наборов изображение виноградной лозы является лишь грубым и схематичным повторением сирийских образцов (рис. 7,1). Общая форма и симметрия декора на них сохранена, но вместо грозди схематично изображен виноградный лист. Скорее всего, сирийские изделия являются более ранними и, возможно, именно они послужили образцами для мастеров, изготавливавших бляшки, найденные в Крыму и Болгарии.

Интерпретация изображений на геральдических бляшках

На геральдических бляшках из Крыма, Болгарии и Сирии представлен довольно редкий для этого рода предметов декор: крестовидная фигура из виноградной лозы и крест на фоне виноградной лозы, схематически переданной волнистой линией.

Сочетание креста и виноградной лозы широко представлено в ранневизантийском прикладном искусстве. Оно встречается на мозаиках (обрамление арок в базилике Сан-Витале, около середины VI в.), дорогих аксессуарах одежды (золотая фибула второй половины V в., найденная на Палатине) [35, pl. XIV,3], а также на серебряных обложках книг с изображением святых (Сирия, вторая половина VI в.) (рис. 7,3) [43, p. 618–619, Cat. 554, 555].

Орнаментальный мотив в виде виноградной лозы известен в прикладном искусстве с античного времени. Некоторые исследователи считают его сирийским по происхождению [35, p. 44]. С распространением христианства изображение лозы обрело символическое значение, связываемое с таинством Причащения и откровением божественной истины [22, с. 210–211; 43, p. 618–619, Cat. 554, 555]. Такая трактовка изображения основывается на словах Христа «Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой – виноградарь...»; «Я есмь лоза, а вы – ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего», содержащихся в Евангелии от Иоанна (15: 1, 5)². Возможно, виноградная лоза ассоциировалась с самим Спасителем, поэтому ее изображение помещали на крестах. В качестве примера можно привести золотой крест второй половины V в. из Алжира, из клада, найденного в Тенезе (рис. 7,5). Его лицевая сторона «увита» реалистично выгравированной на поверхности металла виноградной лозой с многочисленными листьями. С христианской символикой связано и изображение виноградной лозы с фигурами птиц, клюющих виноград, выполненное в технике «опус интеррасиле» на отдельных деталях золотого поясного гарнитура из этого же клада (рис. 7,6,7).

Стилизованное изображение виноградной лозы встречается на одежных аксессуарах и в более позднее время. В центр круглой фибулы VII в., происходящей из Албании из могильника Лежа, вставлен медальон с вытисненной крестовидной виноградной лозой, по форме аналогичной изображениям на публикуемых геральдических бляшках (см. статью Ф. Дайма в настоящем сборнике, рис. 16,5). Фибулы этого типа считаются своего рода амулетами, а их распространение в Европе связывается с паломниками [30].

Христианская символика на раннесредневековой поясной гарнитуре

Самые ранние примеры использования христианской символики на поясных деталях относятся ко второй половине IV – началу V вв. На лицевой стороне наконечников поясов, происходящих из относящихся к этому времени погребений римских солдат, встречаются изображения различных крестов: в виде двух перекрещенных линий с круглыми углублениями на концах, с расширяющимися концами, выполненными в технике кербшнита, либо образованных циркульным орнаментом [35, p. 38–40, fig. 9; 10,2; 28, Taf. XXXI,1].

² Библейские цитаты даны по синодальному переводу.

С начала VI в. в Восточно-Римской империи распространился обычай украшать различные предметы, роскошные или повседневные, христианскими символами и сюжетами [16, с. 361]. Именно тогда христианская символика массово распространяется на поясной гарнитуре. Эта традиция появляется и в воинском обмундировании варварской элиты, бывшей на службе Византии. В качестве примера можно назвать шлем типа Балденхайм, происходящий из Поэльбья, принадлежавший византийскому офицеру начала VI в., в налбной части которого изображен крест с расширяющимися концами с буквами альфой и омегой [31, р. 309, fig. 11].

В первой половине VI в. на территории Византии и в прилегающих областях в употребление вошли поясные пряжки с подвижным прямоугольным или овальным щитком, на котором размещали христианские символы и надписи. Часто на них изображали крест – прорезной, гравированный или инкрустированный стеклом. Встречаются композиции, представляющие крест в окружении птиц. Популярностью пользовались надписи с мольбой к богу или разным святым о помощи для носящего [2, рис. 37,17; 37, fig. 11,13–17; 13,19; 15,3–7; 16,1,8; 17,1; 41, Kat. 50, 78, 79; 20, табл. 28,251–257; 31,281–282; 42,359–360]. Христианская символика появляется и на вошедших в моду около середины VI в. геральдических деталях поясной гарнитуры. В Малой Азии найдена пряжка, на геральдическом щитке которой помещен крест, образованный врезными кружочками с точкой в центре [41, Kat. 71]. Судя по многочисленным находкам, особой популярностью пользовались цельнолитые пряжки типа «Суцидава», с большим отверстием в форме креста по центру щитка и носившиеся на поясе вместе с ними геральдические бляшки, декорированные в таком же стиле [41, Kat. 109–111, 112–116; 20, табл. 50, 51, 53–58, 64].

Об использовании христианских символов на поясе свидетельствуют и иконографические данные. На мозаике 546–547 гг. в конхе апсиды базилики Сан-Витале представлен св. Виталий в одеждах знатного сановника [19, с. 44, табл. 52]. На изображении видна часть его пояса, украшенная четырьмя равноконечными крестами [32, S. 285, fig. 9,4].

Присутствие христианской символики на предметах одежды не удивительно. В представлении раннесредневековых христиан крест был не только символом веры, он наделялся еще и мощной оберегающей силой [12, с. 220–221]. На деталях публикуемого поясного набора присутствует одиннадцать изображений креста: по кресту на двух двурогих бляшках (рис. 3,4), крест на геральдической бляшке 1-го варианта (рис. 3,2) и по два креста на четырех геральдических бляшках 2-го варианта (стилизованный крест в виде виноградной лозы и отдельно прочерченный в верхней части) (рис. 3,1). Для человека, носившего на поясе весь гарнитур, это количество казалось недостаточным: еще два небольших креста были прочерчены, скорее всего, самим владельцем, на обратной стороне зажимов, при помощи которых пряжка крепилась к ремню (рис. 3,3б). В раннесредневековое время размещение крестов на обратной стороне изделия, скрытой от посторонних глаз, не было редким. В Керчи в одной из могил VII в. найдена костяная пластинчатая накладка на пояс или сумочку, на

обратной стороне которой присутствует крест [23, рис. 2,1]. Крест прочерчен неровно, видимо, владельцем, а не мастером, изготовившим накладку. В VI–VII вв. в Византии были распространены изготовлявшиеся в константинопольских ювелирных мастерских золотые медальоны с выпуклой каменной или стеклянной вставкой, с выгравированным на обратной стороне крестом с расширяющимися концами и надписью «ΦΩΣ ΖΩΗ» – «Свет, Жизнь» [33, S. 183, Kat. 147; 43, р. 5, 8, fig. 3]. Эти изделия сочетали в себе украшения и предмет христианского культа, спрятанный от посторонних глаз на груди носящего [25, с. 92, рис. 3,6].

Реконструкция поясного набора

Представление о том, как выглядели наборные византийские пояса с подвесными ремешками дают изображения на фресках и мозаиках, а также бронзовые мужские статуэтки (рис. 8–9) [26]. Особого внимания заслуживают фрески второй половины VI в. из базилик в Кисуфиме (Израиль, 576–578 гг.) и Умм аль-Расасе (Иордания) с сценами охоты на медведя и на гепарда. На них показаны охотники-воины, вооруженные щитом и мечом (рис. 8,2,3) и всадник, верхом на коне, с копьем в руках (рис. 8,1). Мужчины одеты в туники, подпоясанные узким ремнем, от которого на равном расстоянии друг от друга свисают четыре узких ремешка длиной примерно 15–25 см (рис. 8,1а,2а,3а). Ремешки расположены симметрично – по два от центральной застежки, места их соединения с основным поясом, а также окончания выделены на мозаике кубиками другого цвета.

На мозаиках представлена только передняя сторона пояса. Полностью пояс можно увидеть на бронзовых ранневизантийских канделябрах или подставках под светильники, отлитых в форме мужских фигурок. Целый канделябр, происходящий из Восточного Средиземноморья, хранится в Кельне в коллекции Музея Шнютгена, (рис. 9,1) [26, Taf. 19]; фрагментированные фигурки найдены в Малой Азии в Смирне [47, pl. 33,718] и в Поднепровье в с. Стрекалово под Полтавой (рис. 9,2) [18, с. 394, кат. 75, табл. 95]. На литых статуэтках мужчины представлены в типичных византийских туниках, украшенных декоративными вставками и подпоясанными широкими ремнями, от которых на одинаковом расстоянии друг от друга свисают более узкие вспомогательные ремешки. Длина их равна примерно четверти обхвата талии – 15–20 см. На бронзовых фигурках видно, что вспомогательные ремни равномерно распределены по всему поясу – и в передней части, и на спине. Количество ремней разное: на канделябре из Кельна – их пять, три спереди (рис. 9,1б), два – на спине (рис. 9,1в); на фигурке из Поднепровья – шесть, по три спереди и сзади (один из ремешков раздвоен, возможно, так изображены наложившиеся друг на друга конец пояса и вспомогательный ремень). Места соединения основного и вспомогательных ремней и их окончания выделены и украшены циркульным орнаментом, изображающим, скорее всего, металлические бляшки и наконечники (рис. 9,1а-б,2а-б).

Иконографические данные подтверждаются материалами археологических раскопок. В могильнике у с. Лучистое в мужском погребении из склепа 74 *in situ*

зачищены детали поясного набора, что позволило нам сделать его реконструкцию (рис. 6,2) [7, табл. 168,3]. Бляшки – геральдические и двухсоставные двурогие, чередуясь, располагались равномерно по всему поясу. На их обратной стороне сохранились остатки двух слоев кожи – от основного и вспомогательного ремней. Бляшки были функциональными и декоративными деталями. Они скрепляли два ремня и, одновременно, прикрывали место соединения. Количество поясных бляшек соответствовало числу наконечников вспомогательных ремней. Судя по набору деталей, аналогичным образом выглядели одновременные пояса из мужских погребений из Суук-Су и Алонии (рис. 6,1,3). Детали каждого поясного набора выполнялись и декорировались в едином стиле.

На основании иконографических и археологических материалов нами сделана реконструкция пояса с публикуемыми ремненными деталями (рис. 10). Основной ремень, имевший ширину 2,4 см (по ширине прорези в рамке пряжки), застегивался трапециевидной застежкой, укрепленной на нем при помощи двух зажимов (рис. 4,5). Конец основного ремня вставлялся в большой наконечник в форме коробочки. По ширине наконечник равен отверстию на рамке пряжки. Судя по количеству бляшек, к основному ремню было прикреплено семь вспомогательных ремней. Четыре из них размещались на лицевой стороне, на одинаковом расстоянии друг от друга, симметрично от пряжки (рис. 10,А); три – на обратной стороне (рис. 10,Б). В погребении найдено только два наконечника вспомогательных ремней. Скорее всего, они были закреплены только на ремнях лицевой стороны. Не исключено, что в качестве наконечников использовались двурогие бляшки. В таком случае пояс имел бы только четыре вспомогательных ремня и выглядел иначе (рис. 4,1,2). У бляшек и наконечников вспомогательных ремней на обратной стороне припаяны длинные пластинчатые стойки для крепления на ремне. Стойки прорезали кожу ремня (или двух ремней – вспомогательного и основного) и закреплялись кожаным шнурком, пропущенным через сделанное в них круглое отверстие (рис. 4,3,4). Металлические детали фиксировались при помощи деревянного или бронзового стерженька, вставленного в круглое отверстие стойки – наподобие того, как это делалось у византийских цельнолитых пряжек типа «Сиракузы» (рис. 4,3,4з) [24, с. 263, рис. 5].

В поясном наборе только пряжка сделана из серебра. Однако в древности весь гарнитур производил впечатление серебряного. Детали, отлитые из бронзы, были покрыты слоем белого металла, скорее всего, олова, имитировавшего серебро. Таким образом, изготовленные из дешевых материалов предметы производили впечатление дорогих и массивных серебряных изделий.

Следует обратить внимание на особенность расположения геральдических бляшек на ремне. Судя по прослеженному в погребениях положению *in situ*, геральдические бляшки размещались обычно заостренной частью вверх (рис. 6,1,2). Этому соответствует и размещение на бляшке стилизованного изображения личины – прорезных отверстий, обозначающих «глаза» и «брови». В данном случае только одна бляшка, судя по изображению латинского креста, крепилась на ремне заостренной

частью вверх (рис. 4,1; 10,Б). На остальных бляшках композиция из крестовидной виноградной лозы и выгравированного креста с завитками сделана таким образом, что все изделие должно быть развернуто заостренной частью вниз (рис. 2,1–4; 3,1; 4,2; 10), иначе крест оказывался перевернутым (рис. 4,2). Возможно, в древности вообще не придавалось значение тому, как выглядит декор на бляшках – прямо или перевернуто. Поскольку расположение бляшек в перемещенном погребении не сохранилось *in situ* (рис. 1,2), на представленных нами реконструкциях даны варианты с разным размещением бляшек (рис. 4,1,2; 10).

Помимо деталей поясной гарнитуры в погребении из слепа 212 содержалась еще и дополнительная небольшая бронзовая пряжка, предназначавшаяся для ремня шириной не более 2,3 см. Ею могли застегивать пояс штанов, либо использовать в качестве застежки для небольшой поясной сумочки, в которую помещался набор из железного пластинчатого кресала и кремня [8, рис. 119,II; 123,1].

* * *

Геральдический поясной набор второй половины VI в. из склепа 212 могильника у с. Лучистое предназначался для кожаного пояса со свисающими узкими ремнями. Христианская символика, использованная в декоре отдельных деталей, а также аналогии, выявленные в Херсоне, Сирии и Подунавье, позволяют отнести набор к византийской продукции. В Юго-Западном Крыму наборные пояса носили воины, представители местного гото-аланского населения, союзники Византии. Именно в мужских погребениях с геральдическими поясными деталями выявлены мечи и палаши [8, с. 153, рис. 121,2–5; 122,2–5].

Находки, подобные описанному поясному набору из Юго-Западного Крыма, являются наглядным примером тесных экономических и культурных связей региона с Восточно-Римской империей в эпоху раннего средневековья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. О производстве поясных наборов в раннесредневековом Херсоне // СА. 1982. № 3. С. 190–198.
2. Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеимперского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. I. С. 3–86, 175–241.
3. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. 352 с.
4. Айбабин А.И. Крым в VI–VII веках (под властью Византийской империи) // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века / Ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.: Наука, 2003. С. 27–30, 40–52.
5. Айбабин А.И. ранневизантийские фибулы с подвязной ножкой из Юго-западного Крыма // АДСВ. 2009. Вып. 39. С. 60–70.
6. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у села Лучистое. Т. I. Раскопки 1977, 1982–1984 гг. Симферополь, Керчь, 2008. 336 с. (БИ. Suppl. 4).
7. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у с. Лучистое. Т. II. Раскопки 1984, 1986, 1991, 1993–1995 гг. Симферополь, Керчь, 2014. 400 с. (БИ. Suppl. 14).

8. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.). Симферополь: Антиква, 2017. 368 с.
9. Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971. № 2. С. 96–123.
10. Амброз А.К. Рец. на кн.: Á. Salamon, I. Erdélyi. Das Völkerwanderungszeitliche Gräberfeld von Környe, Akadémiai Kiadó, Budapest, 1971 // СА. 1973. № 4. С. 289–294.
11. Амброз А.К. Юго-западный Крым. Могильники IV–VII вв. // МАИЭТ. 1994. Вып. IV. С. 31–88.
12. Барабанов Н.Д. Византийские филактерии. Специфика арсенала // АДСВ. 2002. Вып. 33. С. 214–227.
13. Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. Киев: Наукова думка, 1993. 201 с.
14. Воронов Ю.Н., Шинкао Н.К. Вооружение воинов Абхазии IV–VII вв. // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков / Ред. А.К. Амброз, И.Ф. Эрдели. М.: Наука, 1982. С. 121–165.
15. Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996. 296 с. (Раннеславянский мир. Вып. 3).
16. Гийу А. Византийская цивилизация. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 552 с.
17. Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы X, X-A и X-B) // МАИЭТ. 2013. Вып. XVIII. С. 49–161.
18. Корзухина Г.Ф. Клады и случайные находки вещей круга “древностей антов” в Среднем Поднепровье. Каталог памятников // МАИЭТ. 1996. Вып. V. С. 352–435.
19. Лазарев В.Н. История византийской живописи. М.: Искусство, 1986. 194 с.
20. Трайкова Л.А. Коланът южно от Долен Дунав края на III – началото на VII в. София: Национален археологически институт с музей, 2017. 556 с.
21. Турова Н.П., Черныш С.А. Раннесредневековый могильник Алония (материалы исследований 1998, 2001, 2002 гг.) // МАИЭТ. 2015. Вып. XX. С. 133–146.
22. Уваров А.С. Христианская символика. Часть I. Символика древнехристианского периода. М., СПб., 2001. 255 с.
23. Хайрединова Э.А. Костюм городского населения Боспора в VII–VIII вв. (по находкам из некрополя в Босфорском переулке) // БИ. 2013. Вып. XXVIII. С. 286–317.
24. Хайрединова Э.А. Пряжки типа «Сиракузы» из Керчи // БИ. 2016. Вып. XXXIII. С. 242–265.
25. Хайрединова Э.А. Византийские перстни с надписью «ΦΩΣ ΖΩΗ» из погребений крымских готов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23, № 5. С. 88–104.
26. Bálint C. Byzantinisches zur Herkunftsfrage des vielteiligen Gürtels // Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe im 6.–7. Jahrhundert / Hrsg. C. Bálint. Budapest, Napoli, Roma, 2000. S. 99–162.
27. Bavant B. Un moule d'orfèvre protobyzantin au British Museum // Travaux et mémoires. Paris, 2005. T. 15. Mélanges Jean-Pierre Sodini.
28. Bullinger H. Spätantike Gürtelbeschläge: Typen, Herstellung, Trageweise und Datierung. Brugge: De Tempel, 1969. 78 S.
29. Chajredinowa E. Die Tracht der Krimgoten im 6. und 7. Jahrhundert // Unbekannte Krim. Archäologische Schätze aus drei Jahrtausenden. Heidelberg, 1999. S. 84–93.
30. Daim F. Pilgeramulette und Frauenschmuck? Zu den Scheibenfibeln der frühen Keszthely-Kultur // Zalai Múzeum. 2002. Bd. 11. P. 113–132.
31. Droberjar E. A propos des contacts entre l'empire d'Orient et les Germains de l'Elbe au VIe siècle // The Pontic-Danubian Realm in the Period of the Great Migration / Eds. V. Ivanišević, M. Kazanski. Paris, Beograd, 2012. P. 297–316.
32. Eger Ch. Between Amuletic Ornament and Sing of Authority: Christian Symbols on Mediterranean Dress Accessories of the Fourth to Sixth Centuries // Graphic signs of faith, identity, and power / Eds. I. Garipzanov, C. Goodson, Y. MacGuire. Turnhout: Brepols, 2017. P. 281–324.
33. Die Kunst der frühen Christen in Syrien. Zeichen, Bilder und Symbole vom 4. bis 7. Jahrhundert / Hrsg. M. Fansa, B. Bollmann. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2008. 220 p.
34. Ferrazzoli A.F. Byzantine Small Finds from Elaiussa Sebaste // Byzantine Small Finds in Archaeological Contexts. Veröffentlichungen des Deutschen Archäologischen Instituts Istanbul. Istanbul, 2012. P. 289–307. (Byzas 15).
35. Heurgon J. Le trésor de Ténès. Paris, 1958. 75 p.
36. Ivanišević V. Metal Workshops of Caričin Grad (Justiniana Prima) // Lebenswelten zwischen Archäologie und Geschichte. Festschrift für Falko Daim zu seinem 65. Geburtstag / Hrsg. J. Drauschke, E. Kislinger, K. Kührtreiber, T. Kührtreiber, G. Scharrer-Liška, T. Vida. Mainz, 2018. S. 711–724. (Monographien des RGZM. Bd. 150).
37. Kazanski M. Les plaques-boucles méditerranéennes des Ve–VIe siècles // Archéologie médiévale. 1994. T. XXIV. P. 137–198.
38. Khaïrédinova E. Le costume des barbares aux confins septentrionaux de Byzance (VI–VII siècles) // Kiev – Cherson – Constantinople: Ukrainian papers at the XXth International Congress of Byzantine Studies (Paris, 19–25 August 2001). Kiev, Simferopol, Paris, 2007. P. 11–44.
39. Neeft K. Van Burdur tot Abcoude. Byzantijnse gespen en riembeslag in Amsterdam // Vereniging van Vrienden Allard Pierson Museum Amsterdam. 1988. Nr. 43. P. 4–6.
40. Possenti E. Due reperti bizantini altomedievali da Oderzo (TV) // Forum Iulii. 2010. Vol. 33. P. 189–212.
41. Schulze-Dörrlamm M. Byzantinische Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römisch-Germanischen Zentralmuseum. Teil I: Die Schnallen ohne Beschläg, mit Laschenbeschläg und mit festem Beschläg des 5. bis 7. Jahrhunderts. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2009. 258 S.
42. Schulze-Dörrlamm M. Byzantinische Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römisch-Germanischen Zentralmuseum. Teil II: Die Schnallen mit Scharnierbeschläg und die Schnallen mit Angegossenem Riemendurchzug des 7. bis 10. Jahrhunderts. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2009. 404 S.
43. Spier J. A Byzantine Pendant in the J. Paul Getty Museum // The J. Paul Getty Museum Journal. 1987. Vol. 15. P. 5–14.
44. Treasures of the Holy Land: Ancient Art from the Israel Museum. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1986. 280 p.
45. Uense S. Die spätantiken Befestigungen von Sadovec (Bulgarien). München, 1992. 600 S. (Münchner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte. Bd. 43).
46. Age of Spirituality: Late Antique and Early Christian Art, Third to Seventh Century / Ed. K. Weitzmann. New-York, 1979. 736 p.

47. Wulff O. *Altchristliche und mittelalterliche byzantinische und italienische Bildwerke*. Vol. I. Berlin, 1909.

REFERENCES

1. Ajbabin A.I. O proizvodstve pojasnykh naborov v rannesrednevekovom Khersonese. *Sovetskaya arkheologiya*, Moscow, 1982, No 3, pp. 190–198.
2. Ajbabin A.I. Khronologiya mogil'nikov Kryma pozdnerimskogo i rannesrednevekovogo vremeni. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1990, vol. I, pp. 3–86, 175–241.
3. Ajbabin A.I. *Etnicheskaya istoriya rannevizantijskogo Kryma*. Simferopol, Dar Publ., 1999, 352 p.
4. Ajbabin A.I. Krym v VI–VII vekakh (pod vlast'yu Vizantijskoj imperii). T.I. Makarova, S.A. Pletneva (Eds.), *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ya: IV–XIII veka*, Moscow, Nauka Publ., 2003, pp. 27–30, 40–52.
5. Ajbabin A.I. rannevizantijskie fibuly s podvyaznoj nozhkoj iz Yugo-zapadnogo Kryma. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, Ekaterinburg, 2009, vol. 39, pp. 60–70.
6. Ajbabin A.I., Khajredinova E.A. *Mogil'nik u sela Luchistoe. T. I. Raskopki 1977, 1982–1984 gg.* Simferopol, Kerch, 2008, 336 p.
7. Ajbabin A.I., Khajredinova E.A. *Mogil'nik u sela Luchistoe. T. II. Raskopki 1984, 1986, 1991, 1993–1995 gg.* Simferopol, Kerch, 2014, 400 p.
8. Ajbabin A.I., Khajredinova E.A. *Krymskie goty strany Dori (seredina III – VII v.)*. Simferopol, Antikva Publ., 2017, 368 p.
9. Ambroz A.K. Problemy rannesrednevekovoj khronologii Vostochnoj Evropy. *Sovetskaya arkheologiya*, 1971, No 2, pp. 96–123.
10. Ambroz A.K. Review: Á. Salamon, I. Erdélyi. Das Völkerwanderungszeitliche Gräberfeld von Környe, Akadémiai Kiadó, Budapest, 1971. *Sovetskaya arkheologiya*, 1973, No 4, pp. 289–294.
11. Ambroz A.K. Yugo-zapadnyj Krym. Mogil'niki IV–VII vv. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1994, vol. IV, pp. 31–88.
12. Barabanov N.D. Vizantijskie filakterii. Spetsifika arsenala. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, Ekaterinburg, 2002, vol. 33, pp. 214–227.
13. Vejmar E.V., Ajbabin A.I. *Skalistskij mogil'nik*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1993, 201 p.
14. Voronov Yu.N., Shinkao N.K. Vooruzhenie voinov Abkhazii IV–VII vv. A.K. Ambroz, I.F. Erdeli (Eds.), *Drevnosti epokhi velikogo pereseleniya narodov V–VIII vekov*, Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 121–165.
15. Gavritukhin I.O., Oblomskij A.M. *Gaponovskij klad i ego kul'turno-istoricheskij kontekst*. Moscow, 1996, 296 p.
16. Giju A. *Vizantijskaya tsivilizatsiya*. Ekaterinburg, U-Faktoriya Publ., 2005, 552 p.
17. Golofast L.A., Ryzhov S.G. Severnyj rajon Khersonesa v rannevizantijskoe vremya (kvartaly X, X-A i X-B). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2013, vol. XVIII, pp. 49–161.
18. Korzukhina G.F. Klady i sluchajnye nakhodki veshchej kruga “drevnostej antov” v Srednem Podneprov'e. Katalog pamyatnikov. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1996, vol. V, pp. 352–435.
19. Lazarev V.N. *Istoriya vizantijskoj zhivopisi*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986, 194 p.
20. Trajkova L.A. *Kolan"t yuzhno ot Dolen Dunav kraya na III – nachaloto na VII v.* Sofia, 2017, 556 p.
21. Turova N.P., Chernysh S.A. Rannesrednevekovyj mogil'nik Aloniya (materialy issledovanij 1998, 2001, 2002 gg.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2015, vol. XX, pp. 133–146.
22. Uvarov A.S. *Khristianskaya simbolika. Chast' I. Simbolika drevnekhristsianskogo perioda*. Moscow, St-Petersburg, 2001, 255 p.
23. Khajredinova E.A. Kostyum gorodskogo naseleniya Bospora v VII–VIII vv. (po nakhodkam iz nekropolya v Bosforskom pereulke). *Bosporskie issledovaniya*, Kerch, 2013, vol. XXVIII, pp. 286–317.
24. Khajredinova E.A. Pryazhki tipa «Sirakuzy» iz Kerchi. *Bosporskie issledovaniya*, Kerch, 2016, vol. XXXIII, pp. 242–265.
25. Khajredinova E.A. Vizantijskie perstni s nadpis'yu «ΦΩΣ ΖΩΗ» iz pogrebenij krymskikh gotov. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2018, T. 23, No 5, pp. 88–104.
26. Bálint C. Byzantinisches zur Herkunftsfrage des vielteiligen Gürtels. C. Bálint (Hrsg.), *Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe im 6.–7. Jahrhundert*, Budapest, Napoli, Roma, 2000, pp. 99–162.
27. Bavant B. Un moule d'orfèvre protobyzantin au British Museum. *Travaux et mémoires*, Paris, 2005, T. 15. Mélanges Jean-Pierre Sodini.
28. Bullinger H. *Spätantike Gürtelbeschläge: Typen, Herstellung, Trageweise und Datierung*. Brugge, De Tempel Publ., 1969, 78 p.
29. Chajredinova E. Die Tracht der Krimgoten im 6. und 7. Jahrhundert. *Unbekannte Krim. Archäologische Schätze aus drei Jahrtausenden*, Heidelberg, 1999, pp. 84–93.
30. Daim F. Pilgeramulette und Frauenschmuck? Zu den Scheibenfibeln der frühen Keszthely-Kultur. *Zalai Múzeum*, 2002, Bd. 11, pp. 113–132.
31. Droberjar E. A propos des contacts entre l'empire d'Orient et les Germains de l'Elbe au VIe siècle. V. Ivanišević, M. Kazanski (Eds.), *The Pontic-Danubian Realm in the Period of the Great Migration*, Paris, Beograd, 2012, pp. 297–316.
32. Eger Ch. Between Amuletic Ornament and Sing of Authority: Christian Symbols on Mediterranean Dress Accessories of the Fourth to Sixth Centuries. I. Garipzanov, C. Goodson, Y. MacGuire (Eds.), *Graphic signs of faith, identity, and power*, Turnhout, Brepols Publ., 2017, pp. 281–324.
33. Fansa M., Bollmann B. (Hrsg.), *Die Kunst der frühen Christen in Syrien. Zeichen, Bilder und Symbole vom 4. bis 7. Jahrhundert*. Mainz, Verlag Philipp von Zabern, 2008, 220 p.
34. Ferrazzoli A.F. Byzantine Small Finds from Elaiussa Sebaste // *Byzantine Small Finds in Archaeological Contexts. Veröffentlichungen des Deutschen Archäologischen Instituts Istanbul, Istanbul*, 2012, pp. 289–307.
35. Heurgon J. *Le trésor de Ténès*. Paris, 1958, 75 p.
36. Ivanišević V. Metal Workshops of Caričin Grad (Justiniana Prima). J. Drauschke, E. Kislinger, K. Kührtreiber, T. Kührtreiber, G. Scharrer-Liška, T. Vida (Hrsg.), *Lebenswelten zwischen Archäologie und Geschichte. Festschrift für Falko Daim zu seinem 65. Geburtstag*, Mainz, 2018, pp. 711–724.

37. Kazanski M. Les plaques-boucles méditerranéennes des Ve–VIe siècles. *Archéologie médiévale*, 1994, T. XXIV, pp. 137–198.
38. Khaïredinova E. Le costume des barbares aux confins septentrionaux de Byzance (VI–VII siècles). *Kiev – Cherson – Constantinople: Ukrainian papers at the XXth International Congress of Byzantine Studies (Paris, 19–25 August 2001)*, Kiev, Simferopol, Paris, 2007, pp. 11–44.
39. Neeft K. Van Burdur tot Abcoude. Byzantijnse gespen en riembeslag in Amsterdam. *Vereniging van Vrienden Allard Pierson Museum Amsterdam*, 1988, Nr. 43, pp. 4–6.
40. Possenti E. Due reperti bizantini altomedievali da Oderzo (TV). *Forum Iulii*, 2010, vol. 33, pp. 189–212.
41. Schulze-Dörrlamm M. *Byzantinische Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römisch-Germanischen Zentralmuseum. Teil I: Die Schnallen ohne Beschläg, mit Laschenbeschläg und mit festem Beschläg des 5. bis 7. Jahrhunderts*. Mainz, Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2009, 258 S.
42. Schulze-Dörrlamm M. *Byzantinische Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römisch-Germanischen Zentralmuseum. Teil II: Die Schnallen mit Scharnierbeschläg und die Schnallen mit Angegossenem Riemendurchzug des 7. bis 10. Jahrhunderts*. Mainz, Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2009, 404 p.
43. Spier J. A Byzantine Pendant in the J. Paul Getty Museum. *The J. Paul Getty Museum Journal*, 1987, vol. 15, pp. 5–14.
44. *Treasures of the Holy Land: Ancient Art from the Israel Museum*. New York, The Metropolitan Museum of Art Publ., 1986, 280 p.
45. Uense S. *Die spätantiken Befestigungen von Sadovec (Bulgarien)*. München, 1992, 600 p.
46. Weitzmann K. (Ed.), *Age of Spirituality: Late Antique and Early Christian Art, Third to Seventh Century*. New-York, 1979, 736 p.
47. Wulff O. *Altchristliche und mittelalterliche byzantinische und italienische Bildwerke*. Vol. I. Berlin, 1909.

E. A. KHAIREDIANOVA

Institute of Archaeology of the Crimea, Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russia)

HERALDIC BELT SET FEATURING CHRISTIAN SYMBOLS FROM THE SECOND HALF OF THE SIXTH CENTURY FROM THE CEMETERY NEAR LUCHISTOE VILLAGE

Abstract: In the second half of the sixth century, parts of composite warrior belts, also known as heraldic in the scholarship, spread through the south-western Crimea. This paper publishes a belt set from the second half of the sixth century discovered in Burial Vault 212 at the cemetery near modern Luchistoe village, explains its chronology, discovers the circle of its analogies, and, against the background of iconography and location of parts in the grave, suggests variants of reconstruction. The badges in the set are decorated with image of cross and stylized grapevine. On the reverse of the buckle, there are carved-through crosses. Christian symbols and analogies from Cherson, Syria, and the Danube area suggest that the belt set was made in Byzantium.

Keywords: Byzantium, south-western Crimea, Crimean Goths, heraldic belt sets, Christian symbols.

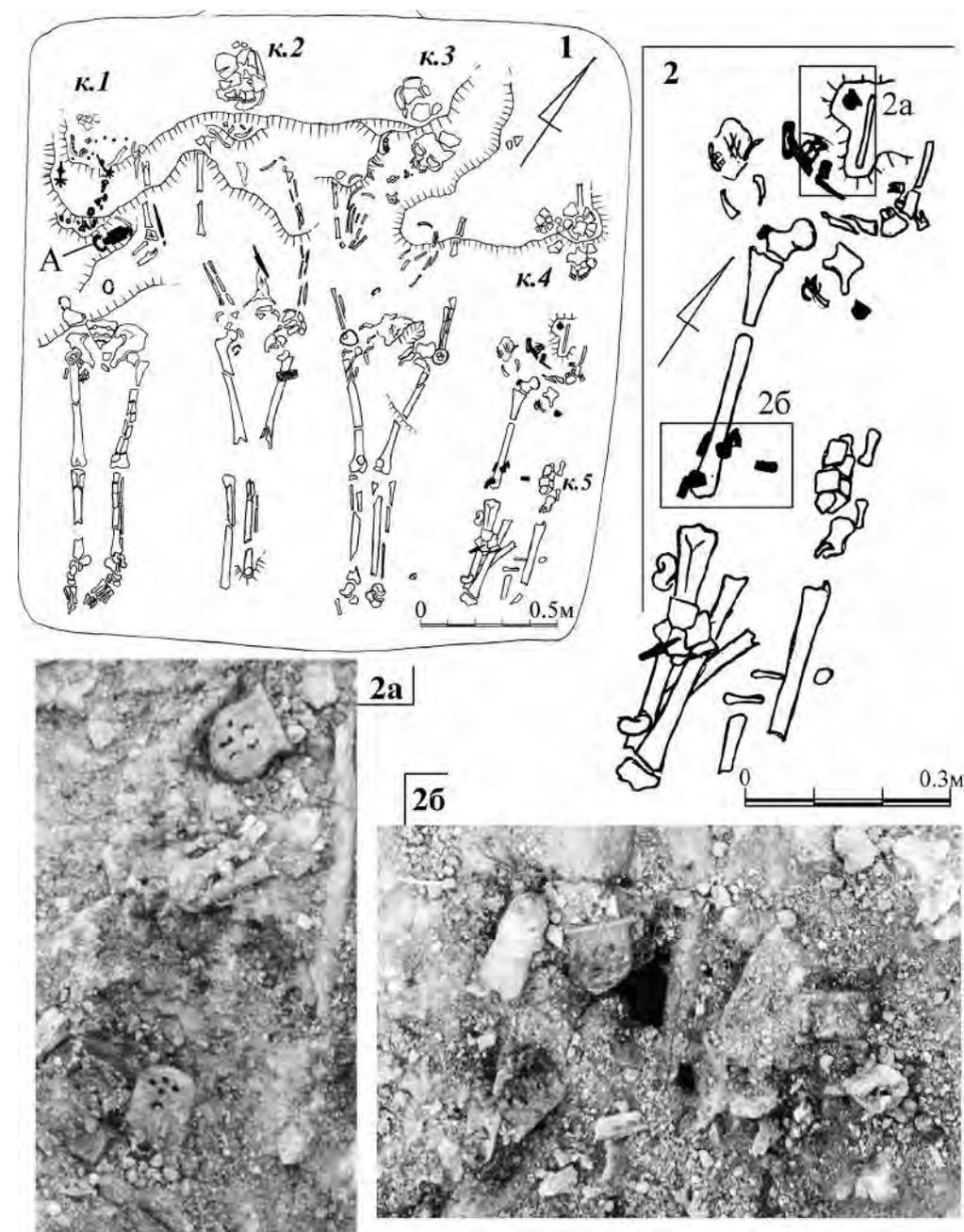

Рис. 1. Могильник у с. Лучистое, склеп 212.

1 – план камеры склепа с погребениями (А – орлиноголовая пряжка 2-го варианта из погребения 1); 2 – план перемещенных погребений 4 и 5; 2а-б – расположение деталей поясного набора в момент их обнаружения. Фото и рисунок автора.

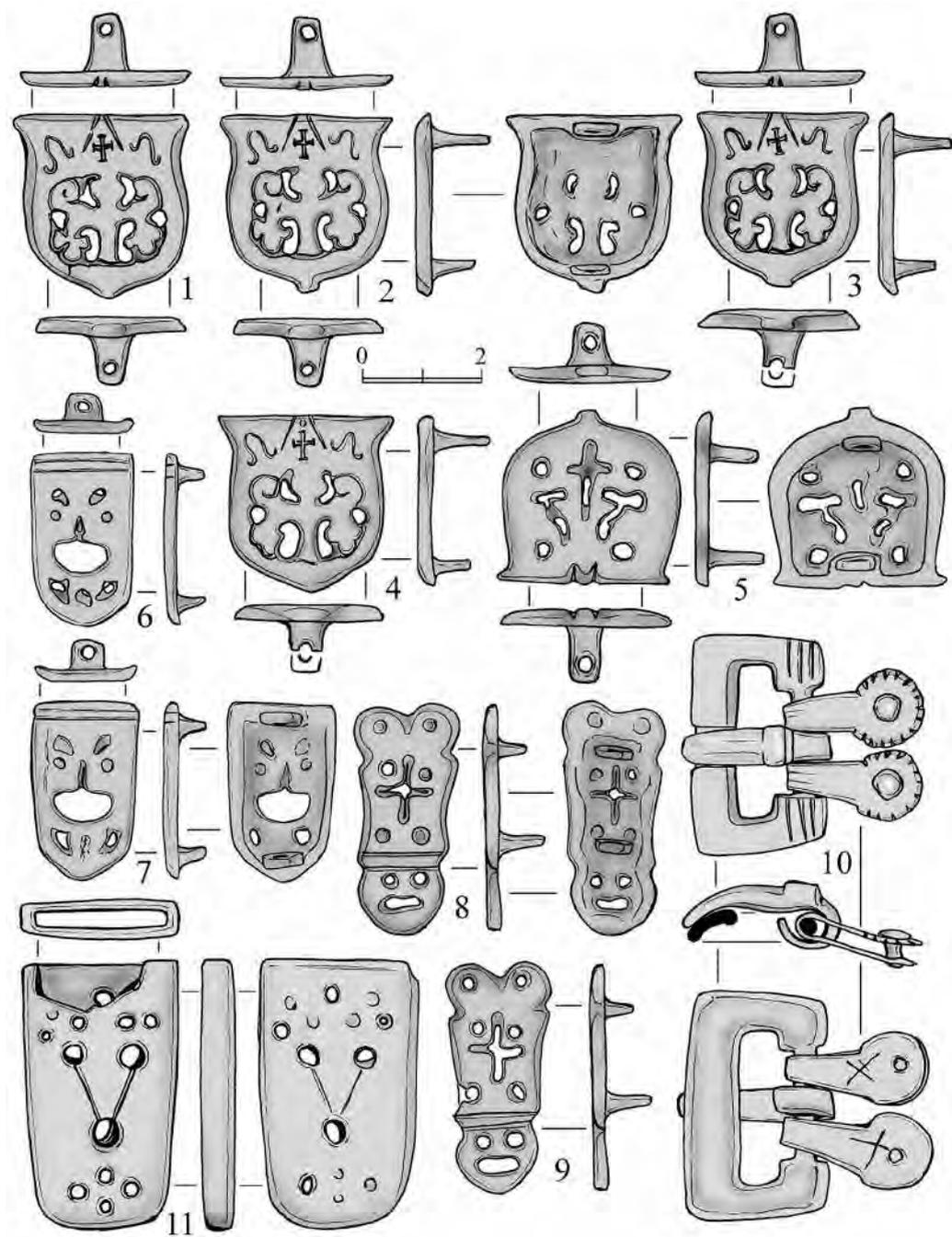

Рис. 2. Детали поясного набора второй половины VI в. Могильник у с. Лучистое, склеп 212, погребение 4. Рисунок автора.

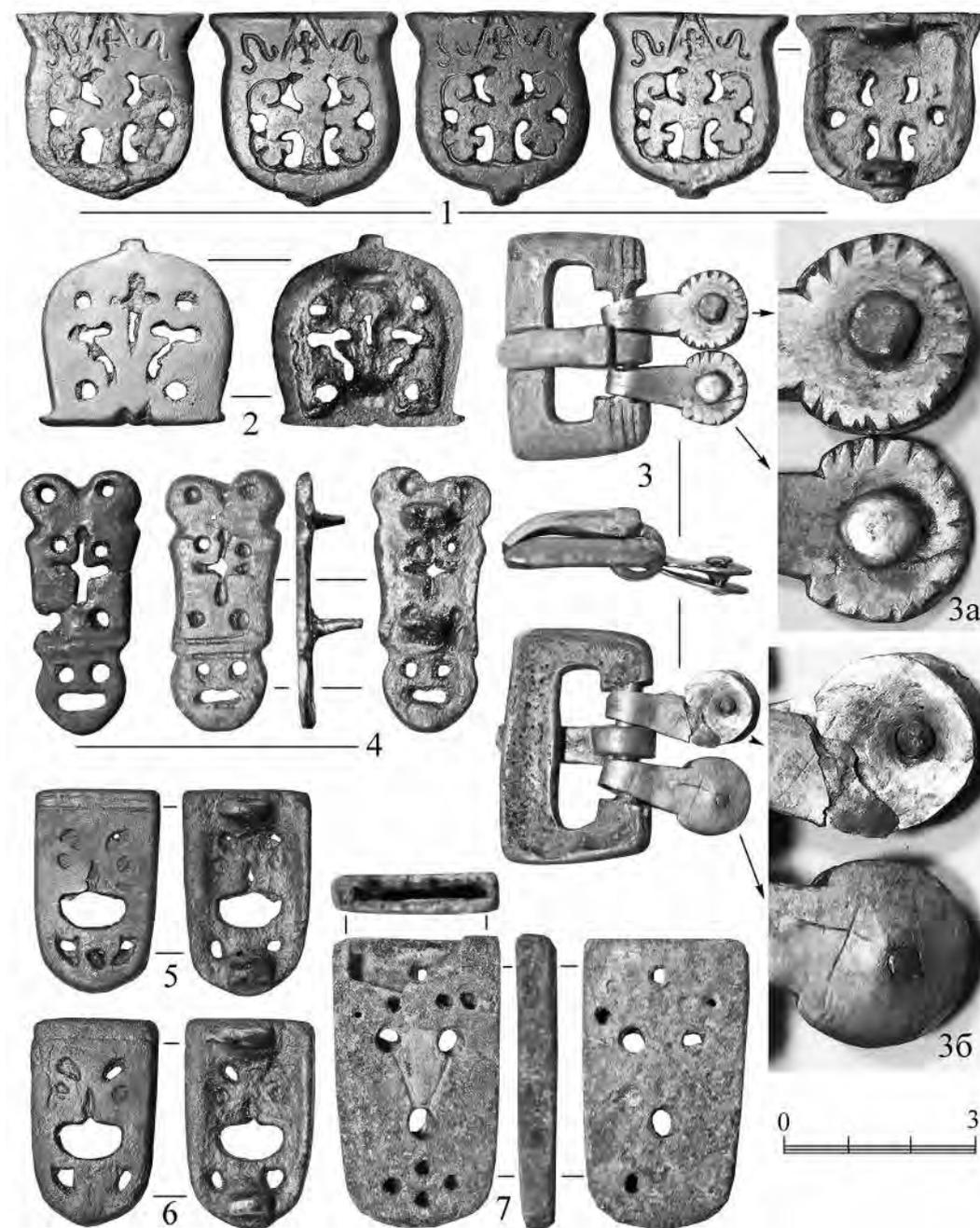

Рис. 3. Детали поясного набора второй половины VI в. Могильник у с. Лучистое, склеп 212, погребение 4. Фото автора.

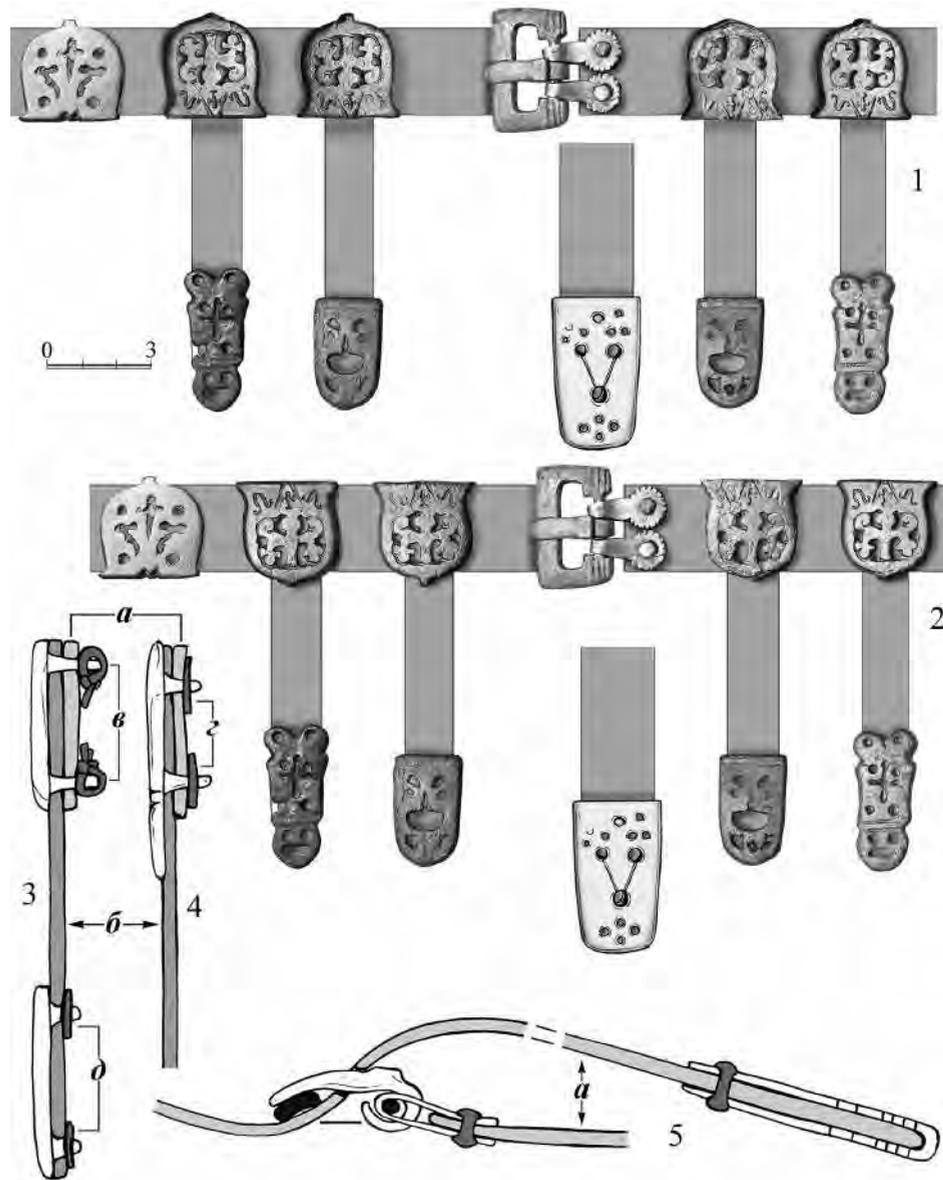

Рис. 4. Геральдический поясной набор второй половины VI в. Могильник у с. Лучистое, склеп 212, погребение 4. Фото, реконструкция и рисунок автора.
1, 2 – варианты реконструкции расположения деталей на ремне; 3, 4 – схема крепления на ремне бляшек и наконечника; 5 – схема крепления на основном ремне пряжки и наконечника; а – основной ремень; б – вспомогательный ремень; в – фиксация бляшки с помощью кожаного шнура; г, д – фиксация бляшки или наконечника при помощи деревянного стержня.

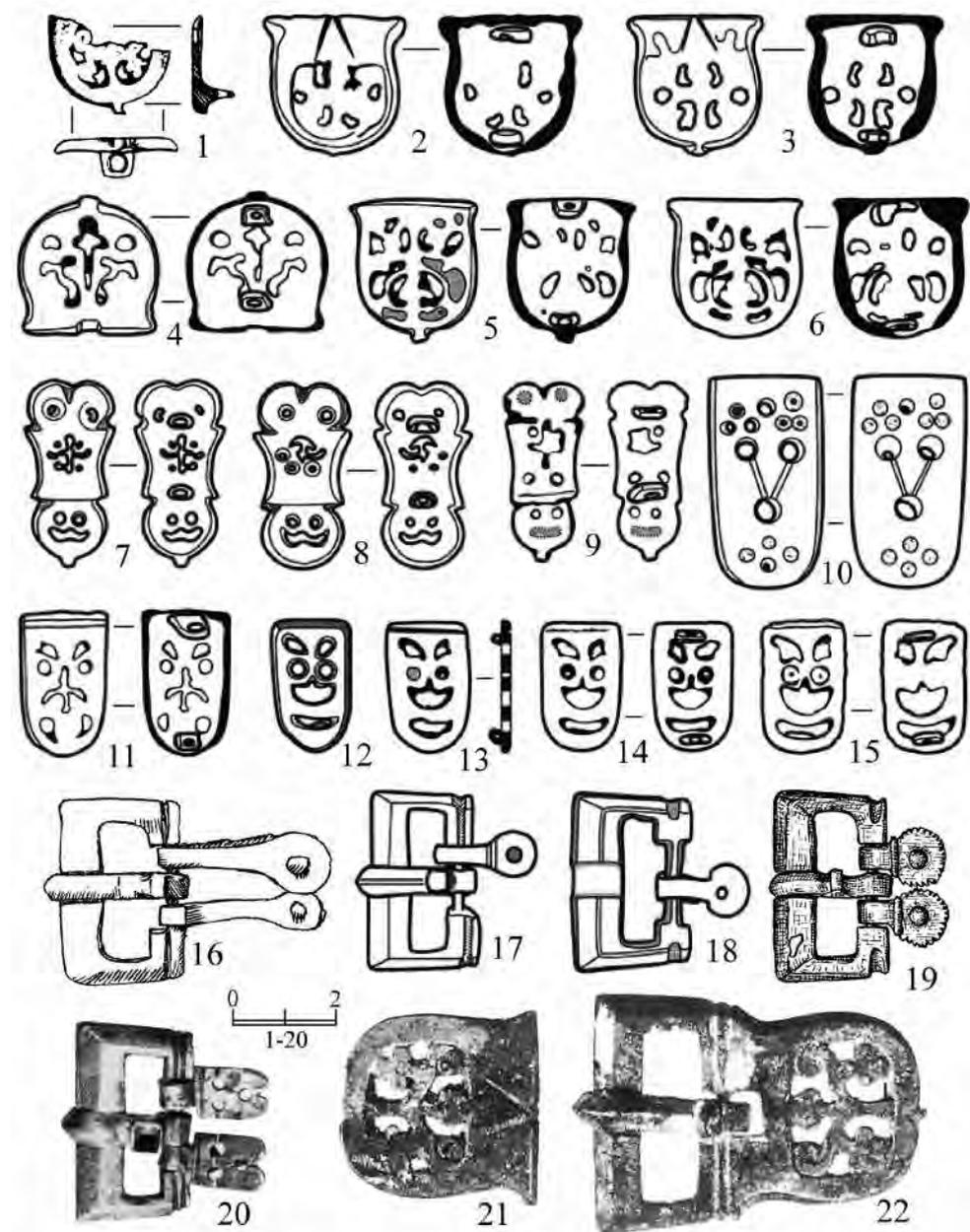

Рис. 5. Детали поясных наборов, аналогичные найденным в Лучистом.
1, 16, 19, 20 – Крым (1 – Херсонес; 16 – Алония, склеп 2; 19 – Лучистое, склеп 77; 20 – Скалистое, склеп 449); 2–15, 17, 18 – Болгария; 21, 22 – Сирия.
[1 – по: 17, рис. 32,16; 2–15, 17, 18 – по: 20, кат. 341, 342, 1407–1411, 1642–1644, 1721, 1722, 1725, 1728, 1737, 1909; 21, 22 – по: 39, fig. 3,9–10].

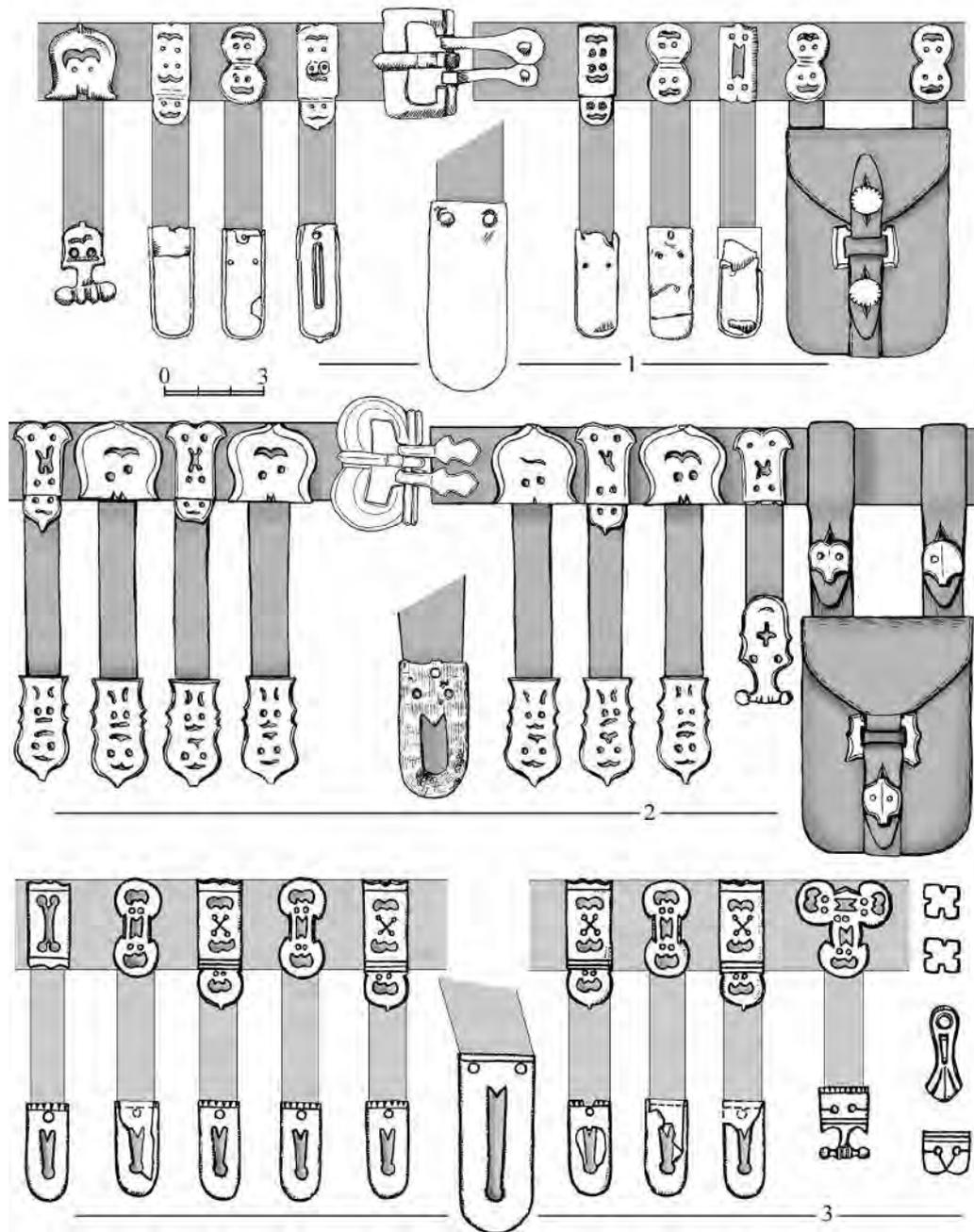

Рис. 6. Поясные наборы второй половины VI в. из Юго-Западного Крыма. 1 – Алония, склеп 2, погребение 2; 2 – Лучистое, склеп 74, погребение 1; 3 – Суук-Су, могила 54. Реконструкция и рисунок автора.

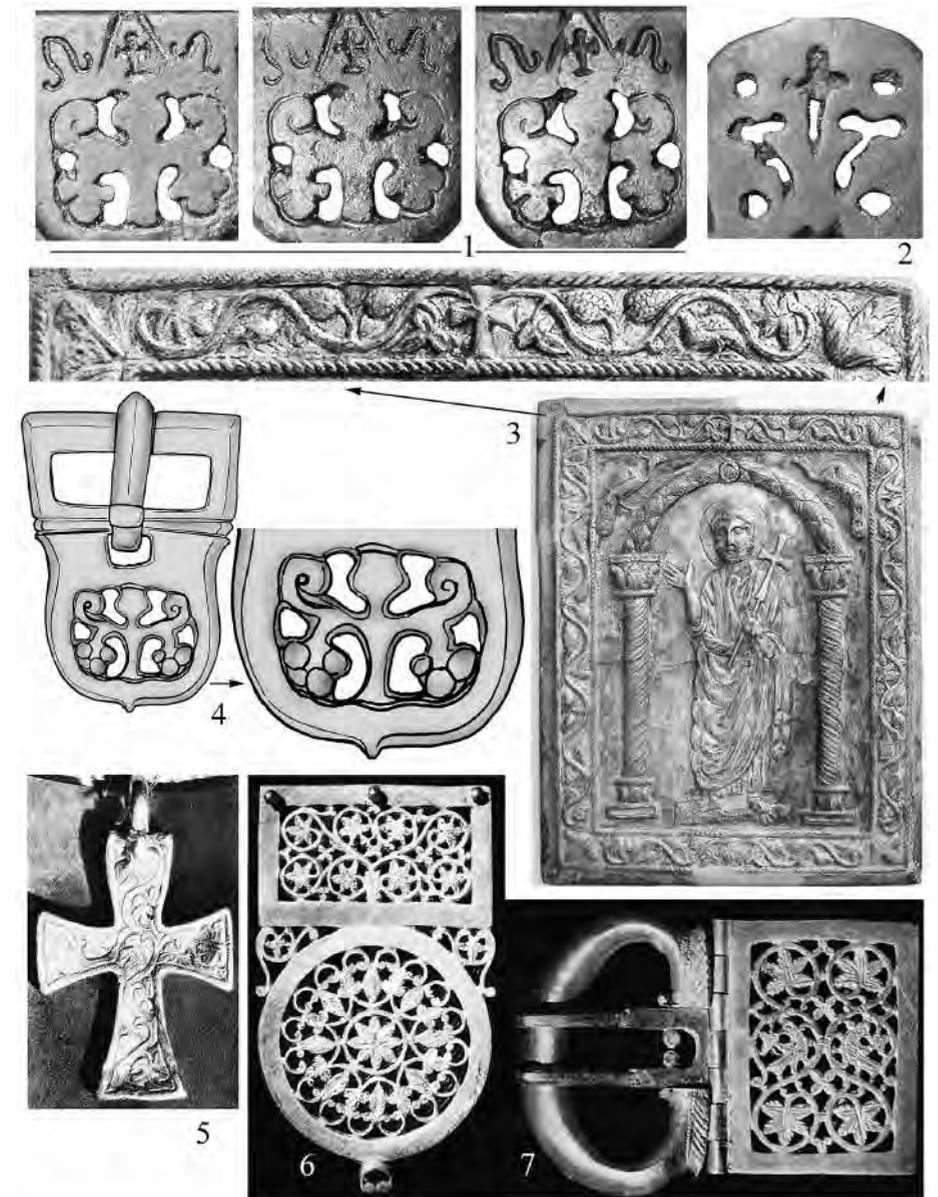

Рис. 7. Изображения виноградной лозы и креста на ранневизантийских изделиях. 1, 2 – увеличенное изображение декора на бронзовых геральдических бляшках, могила у с. Лучистое, склеп 212, вторая половина VI в. (фото автора); 3 – серебряная обложка книги с изображением св. Петра, Сирия, вторая половина VI в. [43, р. 618, Cat. 554]; 4 – серебряная цельнолитая пряжка с геральдическим щитком, Сирия, вторая половина VI в. (прорисовка автора); 5–7 – крест и детали поясной гарнитуры, Тенез, Алжир, вторая половина V в. [35, pl. XX,1; XXI; XXXIX,1].

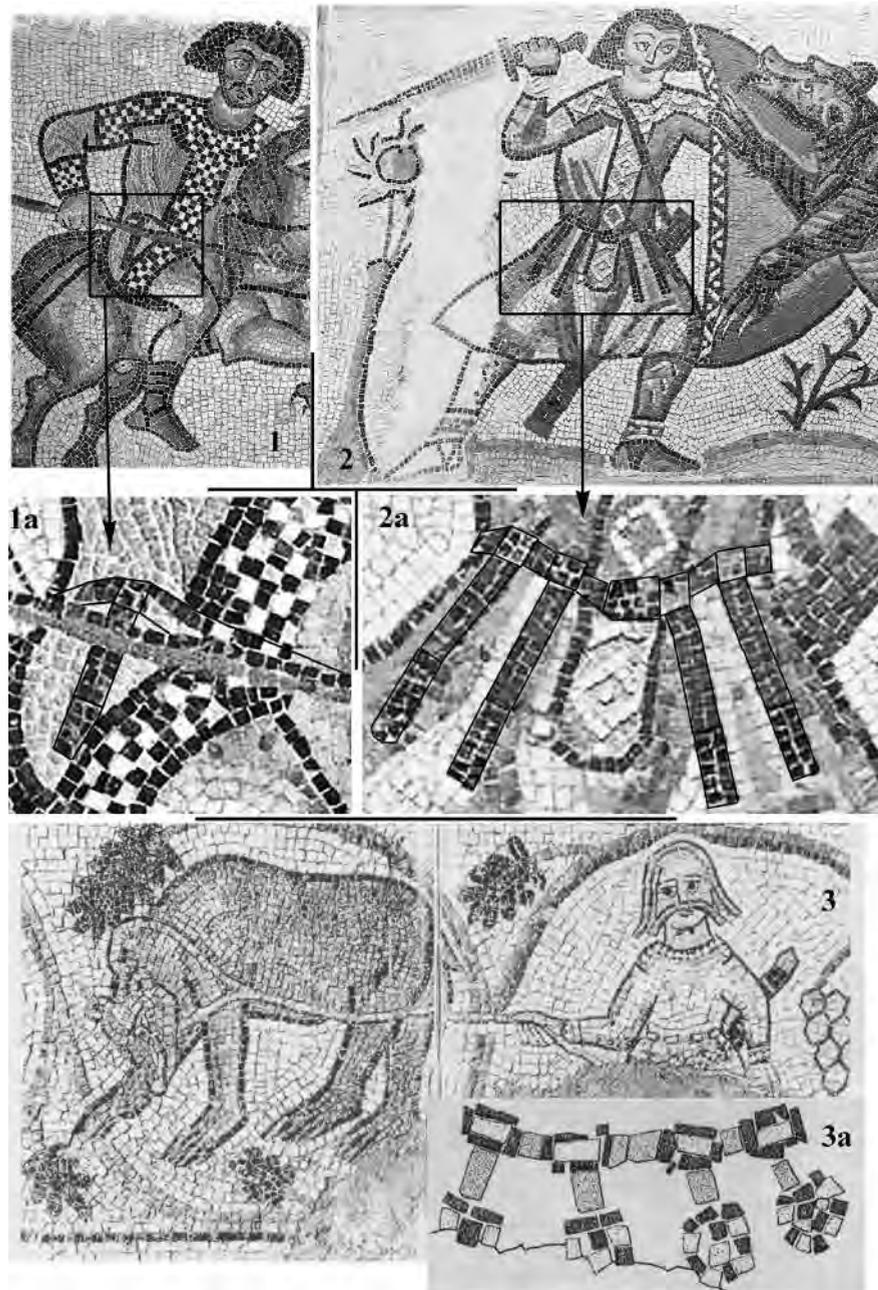

Рис. 8. Византийские мозаики с изображением воинов-охотников с наборными поясами второй половины VI в.
1, 2 – Кисуфим (Израиль, 576–578 гг.) [44, р. 244–245, fig. 109, Cat. 129]; 3 – Умм аль-Расас, Иордания [26, Taf. 18]; 1a, 2a, 3a – детальное изображение поясов.

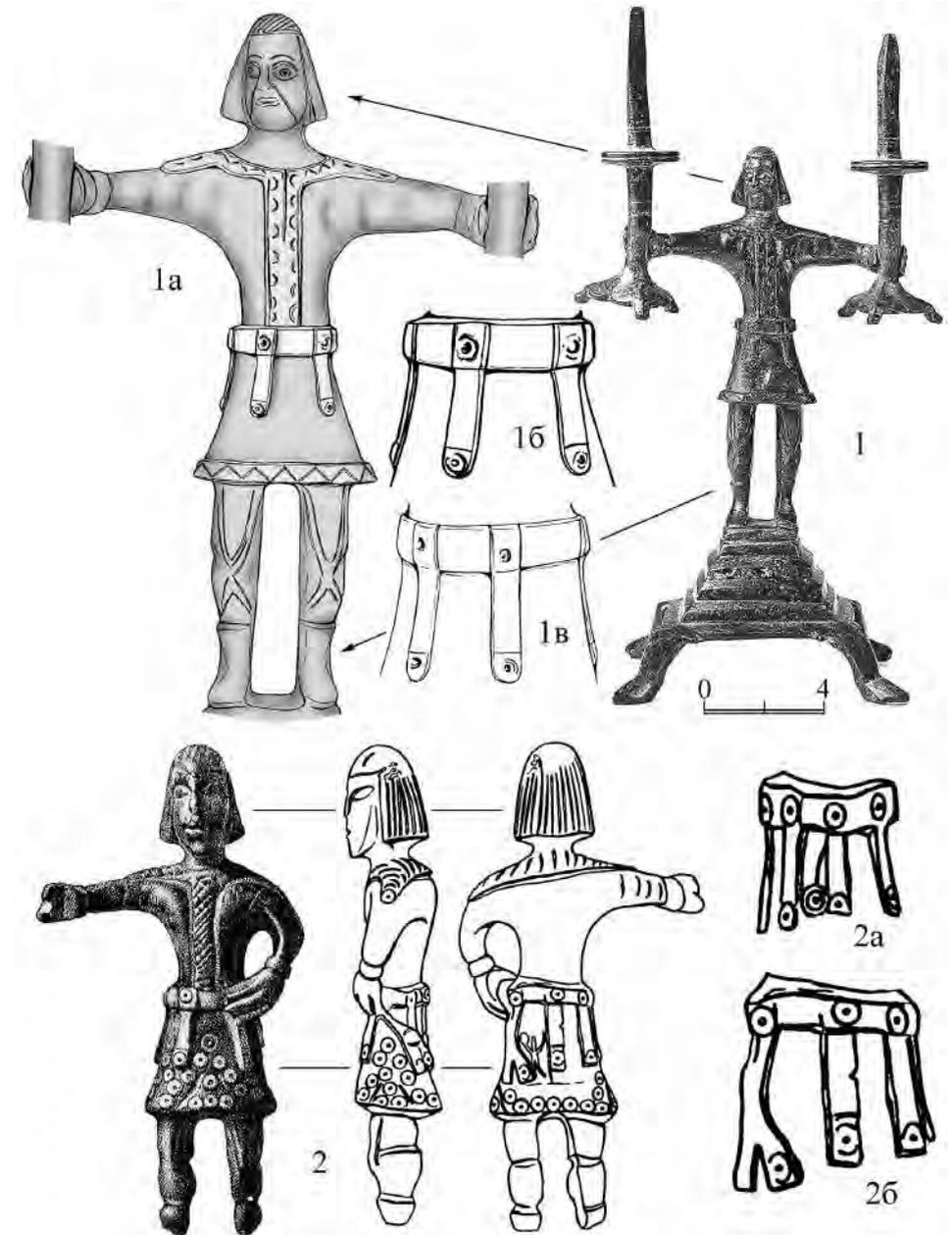

Рис. 9. Византийские канделябры VI в., отлитые в форме мужских фигурок в тунике, опоясанной наборным поясом.

1 – Восточное Средиземноморье, Музей Шнютгена, Кельн, фото и прорисовка мужской фигурки (1a) и пояса спереди (1б) и сзади (1в) [1 – по: 26, Taf. 19; 1a-в – прорисовка автора]; 2 – находка конца XIX в., с. Стрекалово (Полтавская область), прорисовка пояса сбоку (2a) и сзади (2б) [18, с. 394, кат. 75, табл. 95].

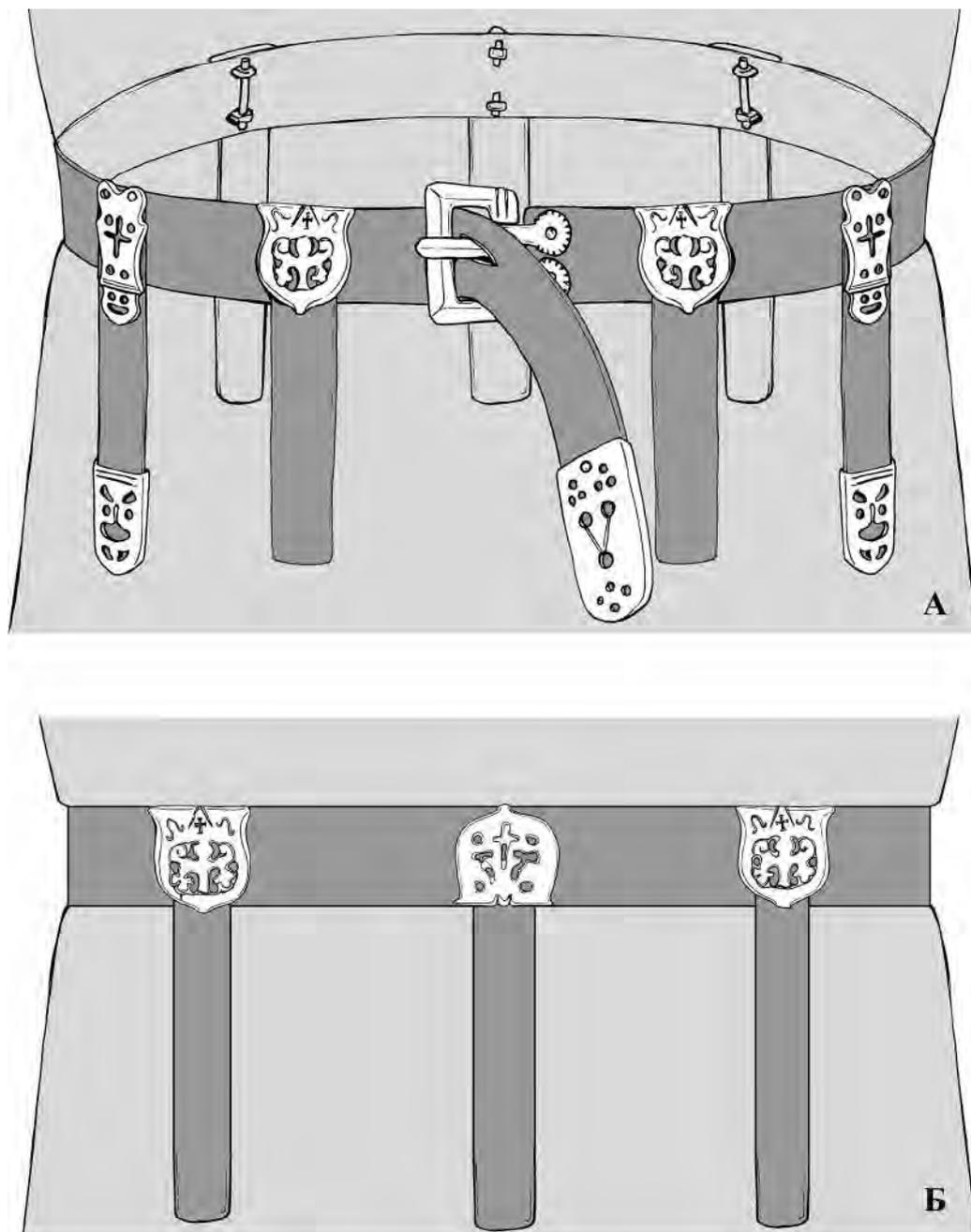

Рис. 10. Вариант реконструкции наборного пояса второй половины VI в. с геральдическими бляшками по находкам из могильника у с. Лучистое, склеп 212, погребение 4 (А – вид спереди, Б – вид сзади). Реконструкция и рисунок автора.

В. Ю. РАДОЧИН

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНИ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ КРЫМА (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ МОГИЛЬНИКОВ У С. ЛУЧИСТОЕ И ЭСКИ-КЕРМЕН)¹

Аннотация: Многолетние систематические раскопки на могильниках у с. Лучистое и на склоне плато Эски-Кермен дали многочисленный костный материал из коллективных и индивидуальных погребений. Предварительные результаты сравнительного анализа позволили обнаружить значительную схожесть серий по половозрастным характеристикам и отметить некоторые отличия в показателях возраста смерти с учетом дифференциации по типам погребальных сооружений. Палеопатологические изменения на костях обеих серий дают возможность говорить, что население, оставившее могильники у с. Лучистое и на склоне плато Эски-Кермен, испытывало схожие стрессовые нагрузки по целому ряду показателей. Адаптивные реакции организма, связанные с перенапряжением костно-мышечного аппарата, травматическими поражениями и специфическими состояниями организма, чаще фиксировались на серии из Эски-Кермена. Характер отмеченных патологических изменений в обеих сериях позволил предположить, что основная масса населения вела мирный образ жизни, и по структуре нагрузок и стрессовым маркерам может быть отнесена к так называемому комплексному хозяйственному типу оседлого населения. Фиксируемые отличия в типах искусственной деформации черепа указывают, что внутри каждой из исследованных серий практиковался определенный вид искусственной деформации. Данное наблюдение предполагает наличие некоторых устойчивых традиций, бытовавших у отдельных групп населения в рамках одной археологической культуры.

Ключевые слова: Крым, Лучистое, Эски-Кермен, антропология, палеопатология, деформированные черепа, маркеры стресса, дискретно-варьирующие признаки.

¹ Статья выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 33.5156.2017/БЧ по теме «Византийское присутствие в Крыму: политический, экономический и культурный аспекты».